

НОВАЯ ЗВЕЗДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артём Гук

Новая звезда

<https://litres.ru/74363702>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пустая одежда на асфальте. Загадочное исчезновение людей из реальности. И новое дело для детектива, которое может стать для него последним.

Содержание

От Автора	4
Пролог	6
Глава I	9
Глава II	17
Глава III	28
Глава IV	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Артём Гук

Новая звезда

От Автора

Этот текст родился не из расчёта, а из потребности — выплеснуть накопившиеся эмоции и дать форму тому, что долго оставалось внутри. В большей степени здесь поработала фантазия, но у неё были проводники: реальные переживания, усталость, вопросы, на которые я когда-то искал ответы, и тихое восхищение космосом — бездной, что лежит за пределами нашего неба.

Космос стал для меня центральной темой жизни. Мне всегда хотелось представить, каким будет мир через сотни лет, когда человечество расселится по спутникам и планетам, когда сталь и ржавчина заменят траву, а вместо дождя в иллюминатор будет стучать серная пыль. В этом воображаемом будущем я и поселил Кая Мерка — человека, пережившего слишком многое и вынужденного снова нести на плечах тяжесть, к которой он не был готов.

Кай — это не я. Но я знаю, что значит стоять на грани, когда здравомыслие вот-вот треснет, а сил почти не осталось. Знаю, каково это — уговаривать себя сделать следующий шаг. Его борьба — это отчасти и моя борьба, просто на

другом материале.

В этой истории мне было важно задать вопросы, не предлагая простых ответов. Древняя дилемма о вагонетке — о цене одного выбора против другого — здесь принимает иную форму. Стоит ли решение того, что за него заплачено? Где проходит грань между долгом и жестокостью? Эти вопросы я оставляю читателю — вы сами станете судьями.

Другая тема — человек и система. Можно ли подчиняться ей, не теряя себя? Или единственный способ остаться человеком — пойти наперекор? Внешний мир в этом тексте суров и равнодушен, как сама пустота за бортом, и каждому персонажу приходится выбирать, на чьей он стороне.

И, наконец, верность. Преданность. Срок службы любых отношений — не бесконечен. Рано или поздно кто-то сворачивает на свою тропу, и часто это причиняет боль. Такова жизнь, такова история.

Мне остаётся лишь пожелать вам, читатели, хорошего путешествия по этим страницам. Пусть в моём тексте каждый найдёт что-то важное для себя — возможно, не то, что закладывал я, а то, что отзовется именно вам.

Пролог

За десять лет до того, как Кай Мерк впервые увидел пустую одежду на грязном бетоне Ио, он носил другую форму. Не пролеарный плащ частного детектива, а чёрный китель оперативника Корпуса Объединения — с серебряной звездой на груди и правом стрелять без предупреждения. Корпус был элитным подразделением, но его бойцы становились расходным материалом в политических играх. Каждое задание утверждал Совет, а Совет состоял из людей, которые никогда не держали оружия.

Кай был молод, зол и верил в справедливость так, как верят только те, кто ещё не видел её обратную сторону. Его специализацией были «деликатные ситуации» — эвфемизм, за которым скрывались грязные задания, не попадавшие в официальные отчёты. Он работал на Легоне, где нейтрализовал пиратскую ячейку, захватившую заложников на грузовом терминале. Работал на Меркурии, где выследил корпоративного шпиона, продававшего секреты терраформирования. Работал в поясе астероидов, где три недели шёл по следу банды, грабившей рудовозы. Его называли «ищейкой будущего» — он слышал это прозвище в кулуарах, но никогда не любил его. Ищейки находят добычу. Он находил людей. Иногда — живыми. Чаще — нет. Его последним делом в Корпусе стала Скава.

Станция на орбите Нептуна, синие штормы за иллюминаторами, семь заложников и кейс с информацией, способной обрушить правительства трёх секторов. Кай вошёл в тот коридор, сжимая в руке импульсник, а вышел — без кейса, без заложников и без веры в то, что справедливость существует. Он подал рапорт об увольнении на следующее утро, сидя в медицинском отсеке с перевязанной головой и пустым взглядом. Командир подписал, не сказав ни слова.

Увольнение лишило его не только звезды, но и казённого жилья, страховки и права на бесплатный ремонт корабля. «Путешественник» он выкупил в рассрочку — марсианский лизинг на двадцать лет, с грабительскими процентами и правом изъятия при просрочке. Каждые три месяца он отправлял платежи, сжимая зубы и откладывая даже на «Шарж».

Частное агентство взяло его сразу — бывшие оперативники Корпуса ценились на рынке. Ему выдали лицензию, пролеарный плащ и доступ к базе данных Объединения. Плащ был уникальным, способным выдержать выстрел из оружия, а потому стоил бесценно. Детектива поздравляли с новой работой. Никто не спросил, почему он больше не спит по ночам.

Следующие семь лет Кай Мерк брался за дела, которые другие детективы считали безнадежными. Он находил пропавших людей, разоблачал мошенников, отслеживал беглецов. Он делал свою работу методично и безжалостно — так, как его учили. Но с каждым годом в его движениях появля-

лось всё больше усталости, а в его взгляде — всё меньше жизни. По вечерам он пил «Янтарный шарж» и слушал старую земную музыку — ту самую, что была похожа на дождь, которого он не слышал уже много лет. Он больше не верил в справедливость. Он верил только в работу.

А потом на его коммутатор пришло сообщение от женщины по имени Тая Стунова с просьбой найти двух пропавших работяг с Ио. Вознаграждение — тридцать тысяч кредитов. Кай прочитал сообщение, допил шарж и запустил двигатели «Путешественника». Обычное дело. Такое же, как девяносто процентов его заказов. Такое же, как все остальные.

Так он думал. Он ошибался.

Глава I

Земля медленно уменьшалась в иллюминаторе, превращаясь в очередную точку среди миллиардов других — бледно-голубую, подернутую дымкой, почти игрушечную. Но Кай Мерк не смотрел на нее. За четверть века работы сыщиком по всей Солнечной системе даже космос превращается в рутину, в бесконечную черную пустоту за стеклом, которая не удивляет, не пугает, а лишь безмолвно напоминает о том, как ты мал и как давно перестал искать во всем этом смысл.

Кай выглядел старше своих пятидесяти. Короткие тёмные волосы уже заметно тронула седина, особенно на висках — белые нити, словно иней на выжженной земле. Нос, однажды сломанный в рукопашной на Меркурии и сросшийся чуть криво, придавал лицу грубоватое, почти разбойничье выражение, которое не могли смягчить даже глубокие морщины у глаз. Под глазами лежали тяжёлые тени человека, который слишком давно нормально не отдыхал, а в самих глазах — тёмно-карих, почти чёрных — застыла та особая, уставшая пустота, что приходит только с опытом. Широкие плечи всё ещё выдавали бывшего оперативника, но сутулость, с которой он сидел в ганнимедском кресле, и замедленные, точно в воде, движения уже не скрывала ни одна одежда. Даже тёмно-серый пролеарный плащ, небрежно брошенный на спинку соседнего сиденья, выглядел уставшим.

В кабине было душно, пахло нагретой проводкой и застарелым табаком — слабый, едва уловимый запах, въевшийся в обшивку за годы полётов. Где-то под полом монотонно гудели марсианские гравикомпенсаторы, и этот звук, похожий на ноту низкой струны, был таким же привычным, как биение собственного сердца.

— Детектив Кай Мерк, предоставляю вам доклад о новом деле. — Бладер, дешёвый карманный ИИ-помощник, снова заговорил своим мёртвым, лишённым интонаций голосом. Маленький серый цилиндр на приборной панели мигнул синим индикатором.

Кай поморщился. Голова уже раскалывалась — тупая, ноющая боль в висках, старая знакомая.

— Давай, быстрее, — он потёр глаза пальцами, чувствуя, как шершавая кожа царапает веки. — Голова трещит.

— Заказчик: Тая Стунова. Цель: найти нескольких пропавших людей, а именно: Джо Линера и Роя Клеера. Последний раз их видели после выхода из лаборатории «Джемантоши» на Ио. Вознаграждение: 30 тысяч галактических кредитов.

Тридцать тысяч. После вычета комиссии агентства, налогов Объединения и платы за коридоры — останется тысяч двадцать. Этого хватит, чтобы закрыть два платежа по лизингу и купить новый стабилизатор для двигателя, который уже начал посвистывать. Если, конечно, не сдохнешь на Ио.

Кай пил шарж молча, слушая доклад вполуха. Янтарная

жидкость обжигала горло приятным теплом, на мгновение притупляя боль и разгоняя вязкую муть в голове. Он держал стакан свободно, почти небрежно, и только побелевшие костяшки пальцев выдавали, как сильно он сжимает стекло.

— Обстоятельства: двое мужчин, 45 и 50 лет, стрижка нулевая био-коррекция, одеты в зелёную форму «СнилВок». Свидетели видели, как они зашли в переулок; камеры наблюдения зафиксировали их исчезновение за одну секунду. Но есть нюанс: их одежда осталась в переулке. Две пустые формы, аккуратно лежащие на асфальте, будто владельцы просто испарились из них. Биологических следов не обнаружено.

На слове «исчезли» Кай всё-таки поднял глаза. Что-то холодное и липкое шевельнулось в груди — не страх, но его далёкое эхо. Он медленно опустил стакан на подлокотник.

— Сэр, уровень этанола в вашей крови коррелирует с риском пропустить важные детали, — проскрежетал Бладер. — Рекомендую воздержаться от дальнейшего употребления до завершения первичного анализа.

Кай замер, не донеся стакан до рта. На мгновение в кабине повисла тишина, нарушаемая только гулом компенсаторов. Затем он медленно, очень медленно повернул голову к серому цилиндру.

— Заткнись, пока я не обновил твою прошивку молотком, — произнёс он тихо, почти ласково, но в голосе звякнула сталь. Бладер, лишённый инстинкта самосохранения, но наделённый примитивным алгоритмом распознавания угроз,

счёл за лучшее подчиниться.

— Сколько лететь?

— Полёт до Ио займёт 16 часов. При текущей скорости и с учётом прохождения пояса астероидов через мостовую систему «Тянутелей».

Старый «Путешественник» тихо вибрировал всем корпусом — как и всё марсианское барахло, он был собран на совесть, но возраст уже давал о себе знать в каждом сочленении, в каждой заклёпке. Кай иногда думал, что они с кораблём похожи: оба видали виды, оба продолжали лететь по инерции, и оба давно нуждались в капитальном ремонте, на который ни у кого не было ни средств, ни желания.

— На этом всё, — методичным нажатием пальца Мерк отключил Бладера и принялся пить свой шарж с удвоенной силой, теперь уже не цедя, а глотая большими глотками, словно пытаясь заглушить что-то внутри. Шарж не бил по голове и не превращал людей в скотов, как дешёвый синтетический спирт. «РайзМон» держал монополию на этот рынок уже полвека, и за 200 кредитов бутылку можно купить в любом магазине от Меркурия до Плутона. Кай не знал, что хуже: само пошло или то, что оно стало таким же обыденным и безвкусным, как звёзды за бортом.

Он откинулся в кресле и прикрыл глаза. В тесной кабине «Путешественника» больше четырёх человек начинали ненавидеть друг друга уже через пару часов полёта — стены словно сжимались, вытягивая из людей всё худшее. Но

сейчас он был один, и это одиночество было почти целительным. Ганнимедские кресла хотя бы спасали спину — редкая роскошь для межпланетных перелётов, напоминание о тех временах, когда он ещё мог позволить себе заботиться о комфорте. Остальное время полёта, большую его часть, можно было проспать в крошечной внутренней каюте, где пахло машинным маслом и старыми снами.

Проверка личности на Ио займёт вечность. Кай знал это по опыту. Бюрократы из Объединения напридумывали тысячи протоколов после теракта «Хвазаров», а сами свалили играть в гольф в закрытые купола на Марсе, оставив нормальных людей гнить в очередях на терминалах. Он уже видел мысленно этот бесконечный коридор, тусклый свет, усталые лица таких же, как он, путников, и равнодушные глаза чиновников. Мерк усмехнулся: за годы службы он видел, как преступники обходили эти проверки раз двадцать, пронося запрещённый груз прямо под носом у сканеров. Но бюрократам виднее. Им всегда виднее.

В корабле тихо, почти на грани слышимости, играла старая земная музыка. Настоящая. Без синтезатора. Живое фортепиано, записанное на пластинку ещё до того, как человечество всерьёз рвануло к звёздам. Кай не помнил ни исполнителя, ни названия, но всегда включал именно эту мелодию, когда летел один. Она была похожа на дождь — на то, чего он не слышал уже много лет. Медленные, тягучие ноты заполняли кабину, и на мгновение становилось легче

дышать.

Полёт от Земли до Ио — один из тех маршрутов, что давно стали обыденностью, наравне с рейсами до Плутона, где находился огромный научный центр по изучению нового вида топлива, на который возлагали надежды все корпорации. Кай редко бывал на Ио — знал спутник в основном по голографическим сводкам. Вечная серная вонь, просачивающаяся даже сквозь фильтры, и нескончаемая активность вулканов действовали на нервы, заставляя чувствовать себя незваным гостем на чужом, враждебном празднике. Там никогда не было по-настоящему тихо.

Космическое объединение, вопреки всем политическим дразгам, пришло к единому выводу: путешествия через пояса астероидов опасны для пилотов-одиночек. Слишком много случайностей, слишком много скрытых в темноте камней, способных разорвать корабль в клочья за секунду. Поэтому создали мостовую связь, работающую на марсианских роботах «Тянутелях» — огромных, неуклюжих механизмах, запрограммированных прокладывать безопасный коридор в хаосе скал.

Корабль резко дернуло — глухой, мощный толчок прошёл по всему корпусу, заставив лампы тревожно мигнуть. «Тянутели» зацепили «Путешественник» магнитными захватами. Мерка вжало в ганнимедское кресло с такой силой, что перехватило дыхание. Где-то в суставах старого корабля что-то протестующе хрустнуло, жалобно заскрежетало, и Кай стис-

нул зубы, чувствуя, как вибрация проникает в самые кости. Он ненавидел этот момент каждой клеткой своего тела. Ты доверяешь свою жизнь куску древнего кода и ржавым роботам, которые тащат тебя через пояс астероидов, как тушу дохлого кита. И от тебя не зависит ровным счётом ничего.

Несколько долгих, томительных минут корабль содрогался в стальной хватке. Кай сидел неподвижно, глядя в одну точку на приборной панели, и ждал. Он давно научился ждать — это был, пожалуй, главный навык детектива. Наконец, толчки прекратились, и «Путешественник» плавно заскользил по проложенному коридору, освобождённый от захватов. Впереди был открытый космос и долгие часы пути.

Пустая бутылка из-под «Янтарного шаржа» с глухим стуком отправилась в специальный мусорный отсек. Кай машинально потянулся к ящику под панелью, ища вторую, но пальцы сомкнулись на пустоте. Он замер, вспоминая. Вчера он её допил. Или позавчера? Время в космосе слипалось в один бесконечный, серый ком.

Мерк сонно зевнул, чувствуя, как шарж наконец-то разливается по телу тяжёлым, вязким теплом. Плащ из пролеарной ткани, свисавший со спинки кресла, показался ему сейчас необычайно тяжёлым, словно впитал всю усталость последних лет. Он поднялся, держась за подлокотник — ноги слегка затекли — и направился в свою каюту. Крошечное помещение встретило его всё тем же запахом масла и тишины. Койка была жёсткой, подушка — тонкой, но сейчас это

не имело значения.

Он лёг не раздеваясь, лишь сбросив ботинки, и уставился в низкий потолок, по которому бежала тонкая трещина. В голове медленно, лениво ворочались обрывки мыслей — о за-казнице с её тридцатью тысячами, о двух исчезнувших муж-чинах в зелёной форме, об одежде, что осталась лежать на асфальте. Что-то в этом было неправильно. Что-то не скла-дывалось, как картинка в разбитом калейдоскопе. Обычно такие дела забывались после второго бокала. Растворялись в шарже, оседали на дно и больше не всплывали. Это — нет. Оно зацепилось за край сознания, как ржавый гвоздь, и не давало покоя.

Кай закрыл глаза. Перед внутренним взором всплыло ли-цо — женское, с тёмными глазами и тревожной складкой у губ. Не Тая Стунова — он её никогда не видел. Другое. Из прошлого, которое он давно пытался похоронить. Он мотнул головой, прогоняя видение, и глубоко вздохнул.

«Путешественник» мерно гудел, унося его сквозь беско-нечную ночь к маленькой, злобной луне, где его уже ждали пустые формы и вопросы, на которые у него пока не было ответов. Где-то там, впереди, за поясом астероидов, маячил Ио — серный ад, который обещал стать лишь первой оста-новкой на пути в ещё более глубокий мрак. Но этого Кай по-ка не знал. Он просто спал, и сон его был тяжёл и пуст, как сам космос.

Глава II

Пробуждение оказалось резким, почти грубым — металлический голос Бладера ввинтился в ухо, не считаясь ни с остатками сна, ни с головной болью.

— Полёт подходит к концу, выйдите из каюты и займите своё место.

Кай с трудом разлепил веки. Несколько секунд он просто лежал, глядя в потрескавшийся потолок каюты и пытаясь отделить реальность от вязкого, липкого дурмана. Во рту стоял кислый привкус вчерашнего шаржа, смешанный с металлическим послевкусием регенерированного воздуха. В голове ещё гудело, но боль уже превратилась в привычный тупой фон — как гул двигателей, к которому привыкаешь настолько, что перестаёшь замечать. Продрав глаза, он, шаркая ногами, добрался до своего кресла.

Из иллюминатора открывался простор на Ио. Никаких облаков, никакой голубизны — лишь бесконечный серо-жёлтый ковёр, сотканный из вулканического пепла и застывших потоков серы. Действующие вулканы лениво извергали столбы дыма, тянувшиеся к чёрному небу изогнутыми колоннами, подсвеченными мертвенным сиянием Юпитера. Это было не приветствие, а удушье — картина мира, который никогда не был и не будет пригоден для человека. Посадочную площадку под собой разглядеть было невозможно: всё тону-

ло в жёлтом мареве, словно спутник стеснялся показывать свои шрамы. Раздался сигнал, и одна из лампочек на приборной панели тревожно замигала алым.

— Это Космодром «Сника», авиадиспетчер 3642. Транспортное судно класса «Путешественник», предоставьте свой идентификационный код. — Голос в динамике звучал сухо и требовательно, с той особенной интонацией, за которой угадывался человек, уставший повторять одно и то же тысячи раз.

— 35763, частный детектив Кай Мерк, номер удостоверения 54932. — Кай постарался, чтобы голос звучал ровно, но внутри всё сжалось в холодный ком.

— Ожидайте проверку.

Вот и настал момент: пустят или подобыют на хрен. Со стратегических объектов Юпитера станется. После теракта «Хвазаров» здесь не церемонились: любой неопознанный корабль мог превратиться в облако пепла быстрее, чем пилот успевал выругаться. Мерк сидел неподвижно, глядя на мигающий индикатор связи, и ждал. Сердце билось чуть быстрее обычного, но внешне он оставался спокоен — сказались годы практики.

— Коды подтверждены, передайте запрос на управление, чтобы вас посадили. — Кай выдохнул и щёлкнул тумблером. Система корабля тут же перешла под внешнее управление, и «Путешественник» начал плавно спускаться, пронзая плотные слои серного смога. За иллюминатором мелькали оран-

жевые сполохи — где-то внизу, под толщей ядовитой атмосферы, дышали вулканы.

Двери каюты раздвинулись, и детектив принялся собирать обмундирование. Каждое движение было отточенным до автоматизма: коммутатор — на запястье, импульсник — в набедренную кобуру, имплант с «Веером» — за ухо, где тонкая дужка плотно прилегала к коже, сливаясь с нервными окончаниями. Закрепив всё нужное, он накинул плащ из пролеарной ткани — тяжёлый, почти невесомый на вид, он лёг на плечи привычной тяжестью, скрывая оружие и придавая фигуре мрачную монументальность.

— Система синхронизирована. Цели в радиусе поражения отсутствуют. — Холодный, сухой голос Веера прозвучал прямо в затылке, проникая словно не через уши, а сразу в мысли.

— Посадка через тридцать секунд, займите своё место и пристегните ремни. — Бладер снова встрял со своим бессмысленным напутствием.

— Угу, — устало бросил Мерк.

Корпус загудел, нарастающая дрожь отдалась в зубах, в позвонках, в самых кончиках пальцев. Резкий толчок — и оглушительный грохот, словно по обшивке ударили гигантским молотом. Лампы мигнули в последний раз.

— Посадка завершена, хорошего дня.

Дверь распахнулась, и в кабину с шипением хлынул пар — горячий, влажный, пахнувший тухлыми яйцами и чем-то хи-

мическим, отчего Кай на мгновение закашлялся. Когда пелена рассеялась, он увидел двух солдат, стоящих у самого трапа. Облачённые в тяжёлую зелёную форму с эмблемой «СнилВок», они держали наперевес плазменные штурмовые винтовки. Солдат справа зацепился взглядом за эмблему на плече детектива — серебряную звезду частного агентства на пролеарной ткани. «Ну да, редкий гость в этом захолустье», — пронеслось в голове Кая. Для того солдата он либо очень важная шишка, либо парень, которого проще пристрелить и забрать дорогие шмотки.

— Оружие. На пол. Медленно. — Серьёзным голосом произнёс один из верзил, и ствол его винтовки указал Каю точно в грудь.

— Вот уж тёплый приём, — хмыкнул детектив, послушно исполняя приказ. Унижение всегда давалось ему с трудом.

Множество кораблей безмятежно стояли под куполом, пока их пилотов проверяли такие же хмурые солдаты. Посреди терминала возвышался управленческий блок — шедевр териянской инженерной мысли, чуждый и пугающий. Он не был построен из металла или пластика в привычном смысле; конструкция напоминала застывшую чёрную ртуть, которая медленно пульсировала в такт работе невидимых реакторов. Териянцы, высоколобые затворники с Юпитера, знали толк в управлении гравитацией и радиацией, но их дизайн всегда отдавал чем-то потусторонним, не предназначенным для человеческого восприятия. Глядя на блок, Кай чувствовал

лёгкую тошноту — побочный эффект от териянских частот, которые обычный человеческий мозг просто не должен был слышать. Где-то на грани сознания зудел низкий, ультразвуковой гул, от которого ныли зубы.

— Проход для людей при исполнении — здесь. Встаньте в круг, — приказал всё тот же солдат, указывая стволом на светящийся золотом диск.

Золотой круг. Териянская разработка, способная вывернуть твою биографию наизнанку за секунды. Процедура Каю никогда не нравилась — в ней было что-то унижительное, что-то от препарирования без наркоза, — однако он понимал: это единственный способ отсеять шпионов «Хвазаров», способных менять лица и генетический код. Он шагнул в круг, и тот засветился ярче. Кая медленно подняло над полом. Золотистые лучи пронизывали одежду, забирались под кожу, растекались по венам тёплым, неприятным покалыванием. Они проверяли всё: чип, биометрию, генетическую чистоту и, конечно, содержание алкоголя. Мерк зажмурился, стиснув зубы. Процедура была не болезненной, но отвратительной — будто тысячи невидимых насекомых одновременно решили проверить твои нервные окончания на вкус.

— Проверка пройдена, — равнодушно объявил динамик. — Алкоголь: 0.04%. В пределах нормы для частного сектора. Геном стабилен. Добро пожаловать на Ио, детектив Мерк.

Кай выдохнул, ощущая, как покалывание в костях мед-

ленно затихает, и, чувствуя, как Веер переходит в активный режим, забрал свой импульсник. Детектив шагнул за шлюз верификации и на мгновение обернулся.

Справа, за прозрачной перегородкой, тянулась бесконечная гражданская очередь. Сотни рабочих в поношенных, прожжённых кислотой комбинезонах стояли в душных узких коридорах, прижавшись друг к другу. Гражданские стояли часами, потому что их проверка была бесплатной, но медленной — система искусственно тормозила, вынуждая людей покупать «экспресс-пропуска» у местных дельцов. Кай видел это на каждой станции. Коррупция была вшита в протоколы, как ржавчина в трубы.

Проверка длилась часами: ручной досмотр, унижительные вопросы, сканирование каждой клетки тела старыми человеческими сканерами, которые фонили радиацией больше, чем сама поверхность Ио. Там пахло потом, страхом и безнадёгой. Люди стояли молча, опустив плечи, и в их глазах не было ничего, кроме бесконечной, всепоглощающей усталости. Кай отвернулся. Быть человеком при исполнении на Ио — это не привилегия, это способ выжить. И от этого осознания на душе становилось ещё паршивее.

Перед ним раскинулся производственный сектор «Сники». Над головой дрожал исполинский прозрачный купол, удерживающий тонкий слой пригодного для дыхания воздуха. За куполом бушевало вечное серное небо Ио, подсвеченное мертвенным блеском Юпитера — огромного, затянутого

полосатыми облаками шара, нависающего над горизонтом, как глаз древнего божества. Внутри же кипела жизнь: бесконечные ряды автоматизированных заводов уходили глубоко под землю, а между ними сновали грузовые платформы и рабочие в экзоскелетах. В воздухе висел низкочастотный гул — тяжёлый, всепроникающий, от которого дрожали внутренности. На Ио тишина — это признак того, что либо ты оглох, либо купол лопнул, и ты уже мёртв.

На коммутаторе мигала точка — 6 километров.

— Уровень радиации? — мысленно спросил Кай, поправляя воротник плаща.

— 14 микрозиверт в час, — мгновенно отозвался Веер в голове. — Под куполом показатели в пределах нормы. Вероятность лучевой болезни при текущей экспозиции близка к нулю. Рекомендую не задерживаться в зонах сброса давления.

Шесть километров по этому вонючему железному лесу. Отличное начало дня. Кай зашагал в сторону переулка. Веер вместе с коммутатором послушно вычерчивали маршрут.

Кай двинулся вглубь производственного сектора, и вязкий воздух тут же облепил лицо. Над головой, переплетаясь ржавыми сочленениями, тянулись циклопические трубы тепло-трасс. Каждая третья из них сочилась едким паром, который шипел, вырываясь из плохо подогнанных клапанов. Воняло кислой серой и раскалённым металлом. Автоматические погрузчики «КронВей» сновали без предупреждения, их тупые

бронированные рыла выныривали из смога прямо перед носом. Одна из машин едва не чиркнула его по плечу манипулятором; детектив отшатнулся, и в спину ему тут же упёрся гудок другого робота. Железный лес жил своей жизнью, плевав на хрупкую органику под колёсами.

Время перевалило за вечернюю смену. Навстречу потянулись рабочие: люди текли мутной рекой в сторону жилых бараков. Это была та часть населения Ио, которую не встретишь в чистых вип-терминалах. Серые, осунувшиеся лица с красными прожилками лопнувших капилляров — вечные спутники работы под куполом. Их кожа приобрела нездоровый пепельный оттенок из-за нехватки нормального света, заменённого тусклыми натриевыми лампами. Кай шёл сквозь эту толпу, как нож сквозь масло, чувствуя тихую, почти осязаемую ненависть десятков глаз. Его плащ из пролеарной ткани, чистый и явно дорогой, бросался в глаза местным, точно бриллиант в куче шлака. В этих взглядах не было злобы — лишь усталое презрение людей, которые знают: им никогда не выбраться с этого вонючего спутника, а такие, как детектив, свалят уже через пару дней.

У распутия, где сходились линии магнитно-рельсовых путей, расположилась кормушка для персонала — забегаловка «Синий Шлюз». Это была не столовая, а скорее огромная дыра в стене, завешанная грязным брезентом. Внутри дрожал свет, и пахло синтезированным белком, который пытались выдать за мясо. Рабочие брали свои пайки молча, сажиди-

лись за шаткие столы и методично жевали, глядя в одну точку. Кай прошёл мимо, стараясь не смотреть на серую массу в их мисках. Один из пролетариев, здоровяк с выжженным кислотой шрамом на пол-лица, всё же поднял взгляд и сплюнул Мерку под ноги. Кай уже хотел что-то ответить, но передумал — только поправил Веер на ухе.

— Веер, что ты знаешь о подземных заводах этого сектора?

Кай коснулся дужки Веера и не стал ждать готового ответа. Карта сектора легла на сетчатку — россыпь линий, меток, технических обозначений. Он привычно перевёл взгляд, давая глазам схватить общий рисунок, и сразу начал искать логику строителей, а не готовый маршрут.

— Без аналитики, — бросил он тихо. — Просто карта.

Палец замер над одним из проходов. Теоретически — кратчайший путь. Но Кай нахмурился: по расположению тропинок выходило, что тот участок должен быть затоплен охлаждающей жидкостью ещё на стадии проектирования. Значит, либо схема врёт, либо строители заложили обходной уровень выше.

— Нет, — сказал он себе под нос, смещая траекторию на два яруса вверх. — Здесь длиннее, но безопаснее.

Он не доверял чужой аналитике — ни машинной, ни человеческой. Только тому, что мог проследить сам: каждое звено цепи, каждый поворот, каждое решение, принятое не потому, что «так подсказал Веер», а потому, что иначе числа

не сходились, а цифры если они врут, всегда вели в ловушку.

— Детектив, рекомендую ускорить шаг, — вмешался Веер. — Переулок, указанный в деле, на картах не привязан. Ближайшее строение — Лаборатория «Джемантоши», ярус минус четвёртый, сектор 8-Гамма.

Мерк остановился у входа в тупиковый проезд между двумя цехами. Лазерная сетка полиции Ио лениво мигала красным, отсекая любопытных. Но любопытных не было — здесь, на окраине «Сники», всем было плевать друг на друга. Кай активировал пропуск на коммутаторе, и сетка погасла, пропуская его внутрь.

Там, на грязном бетоне, лежали две зелёные формы. Они не были брошены — они лежали так, будто люди внутри них просто превратились в воздух. Пустые рукава, нетронутые воротники и ботинки, всё ещё стоящие ровно, словно их только что сняли с невидимых ног. Одежда сохранила форму тел, все складки и изгибы, и от этого зрелища веяло ледяным, потусторонним ужасом. Тишина в переулке стояла звенящая, неестественная — даже гул заводов здесь звучал приглушённо, словно само пространство боялось нарушить покой этого места.

Кай присел на корточки. Сердце колотилось где-то в горле, но рука не дрожала — он заставлял себя сохранять холодность. Пальцы замерли в сантиметре от пустого воротника.

— Веер, что видишь?

Пауза. Дольше, чем обычно.

— Биологические следы отсутствуют. Полностью. В ткани нет ни чешуек эпителия, ни следов пота, ни микроскопических волокон волос. Температура одежды идентична температуре окружающей среды. Форма выглядит так, будто её только что сняли с конвейера.

Кай медленно выдохнул. Он ожидал крови, следов борьбы, хоть чего-то. Но не этого.

— Как это возможно? — спросил он, хотя знал, что Веер не даст ответа.

— Данных недостаточно для гипотезы, — ответил ИИ.
— Отсутствие биоматериала на одежде, которая носилась, противоречит всем известным моделям физического взаимодействия.

— То есть ты не знаешь, что это, — тихо сказал Кай.

— Нет, сэр. Я могу только зафиксировать аномалию. Объяснений у меня нет.

Кай поднялся, чувствуя, как холодок пробегает по спине. Он смотрел на две пустые формы, аккуратно лежащие на бетоне. Ботинки стояли ровно, шнурки завязаны. Рукава сохранили очертания рук, которых больше не было.

Он не знал, что это. Веер не знал. И это делало происходящее в сто раз страшнее, чем если бы ему дали готовый ответ.

Глава III

— Да быть такого не может! Как — ни одного следа? — Кай почти выплюнул эти слова, чувствуя, как на языке оседает металлический привкус местной атмосферы — кислый, с примесью серы и ржавчины. Внутри закипала смесь гнева и профессионального недоумения. Он стоял над двумя пустыми формами, и холодный пот стекал по спине, несмотря на жару, которую нагнетали трубы теплотрасс над головой. Где-то вдалеке гудел погрузчик, и этот монотонный звук только подчёркивал неестественную тишину переулка.

— Сэр, повторяю: мои сенсоры откалиброваны по стандартам териянских систем. Я провёл биометрический анализ трижды, — голос Веера в черепе звучал раздражающе спокойно, как у лектора, читающего доклад о погоде. — Результат: содержание органики — ноль процентов. В одежде нет даже чешуек эпителия, следов пота или микроскопических волокон волос. Будто форму только что сняли с конвейера, минуя стадию носки.

Кай присел на корточки и протянул руку, почти касаясь пустого воротника. Ткань была холодной, пропитанной пылью Ио. Он представил себе человека, который только что был здесь, дышал, двигался — и вдруг исчез, растворился, оставив лишь эту безмолвную оболочку. От этой мысли по коже пробежал мороз.

Детектив поднялся, чувствуя, как внутри разрастается липкий холод. Он смотрел на две пустые формы, аккуратно лежащие на бетоне. Ботинки стояли ровно, шнурки завязаны. Рукава сохранили очертания рук, которых больше не было.

— Записи с камер есть? — спросил он, уже зная, что ответ будет неполным.

— Муниципальный архив. Качество — низкое. Дешёвая оптика, натриевые лампы. Запись фрагментирована.

— Выводи.

Перед глазами развернулась проекция. Дёрганая, зернистая картинка — тени превращались в чёрные провалы, лица были неразличимы. Двое рабочих в зелёном зашли в переулок. Секунда — и их фигуры просто схлопнулись. Ни вспышки, ни крови, ни криков. Тела будто выдернули из реальности, оставив пустые оболочки опадать на бетон. Это выглядело неестественно: куртка осела так, будто из неё выдернули позвоночник, а ботинки остались стоять ровно, словно ноги просто перестали существовать, не успев даже согнуться.

Кай сглотнул подступивший к горлу ком. Он перемотал запись назад, потом ещё раз, вглядываясь в каждый пиксель.

— Веер, проверь сигнатуры. Любой всплеск. Электромагнитный, тепловой, гравитационный — что угодно.

Тишина. Слышно было только, как гудит вентиляция где-то под землёй.

— Я проверил все доступные диапазоны, — наконец произнёс ИИ. — Ничего. Нет теплового следа, нет электромагнитного импульса, нет звуковой волны. В момент исчезновения — полная тишина на всех частотах. Если что-то и произошло, оно не оставило следов, которые я могу зафиксировать.

— То есть они просто... исчезли, — сказал Кай, глядя на пустые ботинки. — Без причины. Без объяснения.

— Да, сэр. Без объяснения.

Он постоял ещё мгновение, чувствуя, как внутри разрастается что-то тяжёлое и чужое. Он привык к загадкам. Он привык к тому, что в его работе бывает странное, необъяснимое. Но не такое. Не когда люди превращаются в пустую одежду, а Веер просто разводит руками.

— Если здесь нет ответов, — сказал он, поднимаясь, — пойдём трясти лабораторию. Надеюсь, там остались те, у кого ещё есть кости.

Здание лаборатории выросло из серого смога яруса 8-Гамма, словно бетонный саркофаг, забытый временем. Ни окон, ни вывесок — только монолитная серая броня композита, испещрённая трещинами, и массивная дверь с терминалом, который светился зловещим алым глазом. Воздух вокруг был тяжёлым, пропитанным запахом химикатов и нагретого металла.

Кай нажал кнопку вызова. В ответ из скрытых где-то динамиков полилась приторно-сладкая классическая музыка —

Моцарт, кажется, — вызывавшая лишь одно желание: выстрелить в этот чёртов динамик. Мелодия была настолько неуместной здесь, в сердце промышленного ада, что казалась насмешкой. Через минуту звонок оборвался тишиной, и тишина эта была ещё хуже.

— Веер, внутри есть кто живой?

Короткая пауза.

— Одна биологическая сигнатура. Дальний сектор. Пульс учащённый — около ста десяти ударов в минуту. Температура тела повышена на полградуса. Или страх, или лихорадка.

— Больше никого?

— Данных недостаточно для полного сканирования. Стены экранированы. Я фиксирую только то, что пробивается сквозь композит.

Кай хмыкнул. Значит, внутри могло быть что угодно — и кто угодно. Веер не давал ему уверенности, только догадки.

— Ладно, посмотрим, что там за дверью.

Он подошёл к терминалу. Экран мигнул красным, требуя код доступа. Кай достал многофункциональный нож, поддел край панели. Она отскочила с тихим щелчком, обнажая пучки проводов — синие, красные, зелёные, переплетённые в хаотичный клубок.

— Веер, видишь это?

— Да. Схема подключения нестандартная. Я могу попытаться идентифицировать силовую шину, но это займёт время. Минуты две-три.

— У нас нет двух-трёх минут, — сказал Кай, разглядывая провода. — Есть другой способ?

— Могу подсказать, какие контакты замкнуть для аварийного открытия. Но это грубый метод. Система зафиксирует взлом.

— Пусть фиксирует, — Кай уже перерезал один провод, зачистил концы. — Мы не собираемся здесь задерживаться.

Он замкнул синий на красный. Терминал мигнул, издал короткий, пронзительный писк — и погас. Где-то внутри механизма что-то щёлкнуло, потом ещё раз. Дверь дёрнулась и начала медленно, со скрежетом, отъезжать в сторону.

Из проёма пахло озоном, жжёной проводкой и чем-то ещё — сухим, холодным, стерильным. Кай узнал этот запах. Он нёсся с собой из лазаретов после боёв, из моргов на станциях, где не было времени на достойное прощание. Запах смерти, который маскируют дезинфекцией, но не могут скрыть до конца.

— Сэр, в помещении зафиксированы следы нестабильности атмосферы, — предупредил Веер. — Возможно, утечка газа или...

— Заткнись, — тихо сказал Кай, делая шаг в темноту. — Я сам решу, что там опасно.

Внутри царил мрак, прорезанный лишь красными всполохами аварийных ламп. Они мигали в такт чему-то невидимому, отбрасывая длинные, дрожащие тени на стены. Воздух был тяжёлым, неподвижным.

Кай вынул импульсник из кобуры. Рукоять привычно холодила ладонь — единственная привычная вещь в этом месте. Он сделал шаг вперёд, потом ещё один.

— Идём знакомиться, — прошептал он в тишину. — Надеюсь, ты ещё живой и говоришь по-человечески.

Он двинулся вглубь, стараясь ступать бесшумно, но каждый шаг отдавался эхом от бетонных стен. Лаборатория была заброшена в спешке: опрокинутые стулья, разбросанные бумаги, разбитые колбы на полу. Воздух с шипением расщёк ослепительно-голубой росчерк — плазма чиркнула в паре сантиметров от его уха, мгновенно превратив часть бетонной стены в дымящийся шлак. Жар опалил щёку, в воздухе запахло горелым камнем. Мерк, не раздумывая, рыбкой нырнул за массивный выступ колонны. Сердце ухнуло в пятки, а по спине продрал мороз. Кай несколько секунд просто сидел за стеной, прижавшись спиной к холодному бетону. Сердце колотилось так сильно, что заглушало Веер. Ладони вспотели, рукоять импульсника стала скользкой.

— День всё лучше и лучше... — Веер, что видишь?

— Одна турель, сектор 12, — голос ИИ был ровным, бесстрастным. — Модель не определена. Температура ствола — 340 градусов. Скорость перезарядки — примерно две секунды.

— Мне не нужна её модель, — прохрипел Кай. — Мне нужно, чтобы она сдохла.

Он выглянул, оценивая угол обстрела. Плазма прошла над

головой, оставляя запах озона. Кай заметил, как турель поворачивается — медленно, с задержкой. Дешёвая модель, старая.

— Веер, где у неё питание?

— Кабель идёт по стене справа, на уровне пола. Но вы не сможете...

Кай не слушал. Он сорвал с пояса тяжёлую керамическую вазу — глупый предмет роскоши, стоявший в нише. Швырнул её в проход.

Вспышка! Ваза взорвалась облаком пыли. Турель клюнула на отвлечение. Кай выкатился из-за угла, дважды выстрелил — в кабель, потом в сочленение. Турель дёрнулась, заискрила и затихла.

— Сэр, это был рискованный манёвр, — сказал Веер.

— Заткнись, — выдохнул Кай.

— Света нет, а охрана пашет. Что ещё меня сегодня удивит? — Кай поднялся, отряхивая плащ и чувствуя, как мелко дрожат пальцы. Адреналин начал выветриваться, оставляя после себя раздражение и неприятную слабость в ногах.

— Движение за следующей гермодверью, — сообщил Веер. — Количество целей определить невозможно. Стены экранируют сигнал. По крайней мере двое, возможно, больше.

Он почти добрался до центрального зала, когда Веер вывел на сетчатку тревожное уведомление — красный треугольник, пульсирующий в углу зрения. Кай едва коснулся

сенсорной панели двери, как та распахнулась сама. Его ослепила синяя вспышка — яркая, как сварка, она врезалась в глаза, и на мгновение мир стал белым.

Боль пришла не сразу — сначала был удар, будто в бедро со всей дури зарядили кувалдой. А потом вспыхнул огонь. Плазменный болт чиркнул по касательной, но этого хватило, чтобы прожечь плоть и обуглить ткань. Кай почувствовал запах собственного горелого мяса — приторно-сладкий, тошнотворный. Мерк упал, кувыркнулся назад за поваленный стол, хаотично огрызаясь выстрелами из импульсника в сторону дверного проёма. Синие лучи его оружия уходили в темноту, высекая искры из металла. Перед глазами плыло.

— Сэр, зафиксировано повреждение левого бедра. — Голос Веера был ровным, почти бесстрастным. — Инъекция анальгетика может снизить болевой шок. Тип препарата — на ваше усмотрение.

— Сам знаю, — прохрипел Кай.

Он дрожащими пальцами выхватил из голенища ботинка узкую ампулу с «Нейро-Блоком» — всегда носил её с собой. На всякий случай. Для таких вот случаев.

Игла вонзилась в бедро рядом с ожогом. Кай нажал на поршень. Холод, похожий на жидкий азот, рванул по венам, перехватывая дыхание. Мир сузился до точки, боль отступила, уступая место звенящей, опасной ясности.

За дверью слышались крики. Громилы не особо таились, выкрикивая команды на «грете» — грязном жаргоне,

на котором изъяснялись налётчики и отбросы со всей Системы. Голоса были грубыми, с металлическим эхом. Веер вывел перевод поверх задымленного коридора:

«Валим, пока нас не зажали! Ты, косоглазый, держи вход, а мы упакуем остатки и валим к шлюзу!»

— Обычный налёт ради морфина или сырья? Нет, ребята, для простых мародёров вы слишком удачно зашли, — проорывал Кай, чувствуя, как в голове проясняется после укола. Мысли снова становились чёткими.

Мерк рванул в проём, но встречный огонь был слишком плотным. Пули и плазменные сгустки вгрызались в пластиковые косяки, выбивая крошево и ослепляя искрами. Одна пуля рикошетом ударила в стену рядом с его головой, осыпав лицо каменной крошкой.

— Мы всё забрали! Уходим, уходим! — донеслось из глубины зала.

Послышался грохот переворачиваемого оборудования и тяжёлый топот кованых сапог — глухой, ритмичный, отдававшийся дрожью в полу. Мерк выскочил в коридор, надеясь перехватить ублюдков, но коридор был пуст, лишь в дальнем конце захлопнулась техническая дверь. И в этот момент из-за угла к его ногам выкатился предмет, подозрительно напоминающий литровую бутылку, густо обмотанную медными проводами. В центре этого клубка хищно мигал оранжевый диод — раз, два, три...

— Нестабильный энергетический контур. Визуальное

сходство с термитными зарядами. Время до детонации точно определить невозможно. — Прорезался голос Веера.

Кай рванул прочь, едва не срывая голосовые связки. Дверь перед ним начала медленно опускаться, отсекая путь к выходу, но взрыв прогремел раньше. Огненный молот ударил в спину, подбрасывая детектива в воздух. Он почувствовал, как тело стало невесомым на долю секунды, а затем — сокрушительный удар о стену. Мир перевернулся. Его швырнуло в стену, как тряпичную куклу, из лёгких выбило весь воздух. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли чёрные пятна.

Стены лаборатории начали оседать, поглощаемые ревущим белым пламенем термита. Потолочные плиты рушились одна за другой, словно карточный домик. Сквозь грохот обрушений доносился треск пламени, запах гари становился невыносимым. Мерк, придавленный обломком какой-то стальной балки и засыпанный бетонной крошкой, вглядывался в пляшущие языки огня. Кровь стекала по его лицу, смешиваясь с пылью. Он попытался пошевелиться, но балка придавила ноги. Кай понял — он в ловушке. В ловушке, из которой не выбраться без чуда. И чудес на Ио не бывает.

Глава IV

Пламя уже не просто подступало — оно ревело, слизывая остатки пластиковых панелей со стен. Воздух превратился в густой суп из копти и токсичных паров. Кай с рыком сбросил с себя оплавленную стальную балку. Спина отозвалась вспышкой боли, но адреналин в паре с Нейро-блоком работал исправно, превращая страдания в далёкий, неважный шум.

Кай рванул к двери, но она не поддавалась. Он ударил по ней плечом, потом кулаком — бесполезно. Створка даже не дрогнула.

— Открой дверь, мать твою! — прохрипел он, чувствуя, как жар припекает кожу даже сквозь пролеарную ткань.

— Управление не отвечает — отозвался Веер. Система подаёт сигнал, но механика не срабатывает.

Кай припал к терминалу у входа. Экран был мёртв. Он достал нож, снова вскрыл панель, но провода внутри оплавчились, превратившись в бесформенную массу. Ничего не замкнуть, не перерезать.

— Есть другой выход?

— Гермодверь — единственный путь из этого отсека. — В голосе Веера не было паники, только констатация факта. — Привод перегрет. Механика заблокирована деформацией. Ручной режим тоже не работает — кран снаружи.

— Твою мать...

Кай отошёл на шаг, оглядывая дверь. Свежий воздух, просачивающийся через щель, смешивался с ядовитым дымом, но он не давал надежды. Дверь была заклинена. И она не откроется, сколько он ни бейся.

Дым заполнял комнату снизу вверх. Смерть в огне казалась глупой, особенно после того, как он пережил перестрелку. Мерк огляделся сквозь слезящиеся глаза и замер. В пяти метрах, наполовину скрытая дымом, висела та самая турель, которую он вывел из строя.

— Веер, а если использовать эту жестянку? Пусть прожжёт мне лаз.

— Система отключена. Для реактивации требуется ручное восстановление питания. Щиток распределения должен быть где-то поблизости.

— Сам знаю, что поблизости! — Кай закашлялся, прижимая локоть к лицу. — Где он?

— Визуальный поиск... за обломками серверной стойки, справа. Я не вижу точного положения, стойка заслоняет обзор.

Мерк рванул сквозь серую завесу. Дышать стало невозможно — лёгкие горели, будто в них залили расплавленный свинец. Он накинул край пролеарного плаща на нос. Ткань почти не пропускала дым, но кашель всё равно выворачивал внутренности.

Щиток нашёлся за грудой мусора. Кай сорвал дверцу, вы-

рывая её с корнем, и замер. Гнёзда тумблеров были пусты, оплавленные провода сиротливо торчали из разъёмов.

— Блядь! А тумблер где?! — сорвался он на крик, чувствуя, как паника начинает подступать к горлу.

— Питание обесточено. Без внешнего импульса систему не запустить. У вас есть импульсник.

Кай не стал ждать развёрнутых инструкций. Он понял. Щелчок переключателя на рукояти, короткий выстрел в центральную шину. Голубая искра впиалась в металл, узел задрожал и выдал сноп искр. Где-то в глубине зала турель дёрнулась, оживая. Лампы на потолке замигали — сначала тускло, потом ярче, выхватывая из темноты бетонные стены, разбитые колбы, перевёрнутые столы. Свет был неровным, дрожащим, но этого хватило, чтобы увидеть обстановку. Кай бросился назад, на бегу подбирая куски тяжёлого пластика. — Лови, сука! — он швырнул обломок в сторону двери.

Вспышка! турель среагировала мгновенно. Плазменный болт прошил пластик и вонзился в заклинившую дверь, выбивая из неё фонтан раскалённых искр. Второй выстрел, третий... Четвёртый заряд вырвал из композита добрый кусок мяса, оставляя дыру, в которую мог пролезть человек.

Кай перевёл импульсник в боевой режим. Он схватил последний кусок мусора, швырнул его вверх и, не дожидаясь выстрела, прыгнул спиной вперёд, к пролому. В полёте он нажал на спуск. Синий луч прочертил траекторию в чёрном дыму, впиваясь точно в дульный срез турели. Раздался хло-

пок — конденсатор не выдержал обратного импульса и разлетелся в пыль. Кай выкатился наружу вместе с клубами едкого дыма, прямо на грязный бетон яруса 8-Гамма.

Снаружи мир сошёл с ума. Сирены выли на все лады, оглушая и без того контуженного Мерка. Роботы-пожарные «Аква-Джет» уже поливали здание серой пеной, которая с шипением гасила огонь. Полицейское оцепление пульсировало красно-синими огнями.

Кай лежал на спине, жадно глотая вонючий воздух Ио. Его трясло — мелко, неконтролируемо, как в лихорадке. Руки не слушались, пальцы сжимались и разжимались сами по себе. В ушах стоял тонкий писк — следствие контузии. Парамедики в ярких жилетах заметили фигуру в чёрном плаще и бросились к нему.

Их голоса доносились словно из-под воды — далёкие, искажённые. — Смотри, живой! Сканируй его, быстро! — выкрикнул один из врачей, откидывая забрало шлема. — Критическая концентрация токсинов в лёгких. Глубокое ранение левого бедра, следы применения нейролептиков. Он в шоке!

— Зеш, аэроносилки! В машину его!

Перед глазами Кая всё плыло. Он почувствовал, как его подхватили и уложили на мягкую поверхность, парящую над землёй. Внутри реанимобиля пахло спиртом и озоном.

— Хен, маску! — скомандовал первый медик. На лицо Мерка опустился холодный силикон. — Активирую систему

«Пульмо-Вент». Начинаю форсированную откачку продуктов горения.

Кая выгнуло дугой, когда прибор начал выкачивать сажу из его лёгких, заменяя её чистой кислородной смесью. Температура тела зашкаливала. — Температура за сорок! Мозговая активность на пике. Вводи «Цилатин-7», живо! — выкрикнул врач.

Медбрат методично всадил шприц-ручку в шею Кая. Прохлада начала медленно растекаться по венам, гася пожар внутри. — Продувка завершена. Лёгкие чисты. Теперь бедро.

Кай чувствовал, как на рану накладывают регенерирующий гель, который сразу застывал холодной коркой — «второй кожей». Сверху легла компрессионная повязка, пропитанная антибиотиками. Когда он начал приходить в себя, врачи уже сворачивали инструменты.

— Жить будете, но рекомендую пару дней отдыхать. Ткани на бедре ещё нестабильны. — Спасибо, док... — прохрипел Кай. — Пойду найду место, где можно просто сдохнуть от скуки на пару часов. С меня хватит дерьма.

Едва он сошёл с подножки скорой, как путь ему преградили трое в тёмно-серых куртках муниципальной полиции. В центре стоял бородач в очках М-класса. Под глазами копа лежали серые мешки, будто он не спал несколько суток. На воротнике формы темнело старое пятно от кофе. Он не просто ждал — он перегородил дорогу, положив ладонь на

рукоять потёртого шокера до металла, явно не собираясь давать Каю уйти так просто.

— Кай Мерк. Собственной персоной, — произнёс бородач, и его очки блеснули алым, сканируя идентификатор детектива. Офицер на мгновение замер, изучая всплывшую информацию. — Какого хрена вас занесло в наш сектор после ваших «громких» дел на Легоне и Скаве? Решили, что на Ио про вас забыли?

Бородач усмехнулся, вглядываясь в активные файлы дела Кая, которые подтянулись по протоколу обмена данными.

— Надо же... Детектив Мерк ищет двух пропавших работяг? Линера и Клеера? — Офицер издевательски покачал головой. — Серьёзно, Кай? После переворотов и планетарных заговоров ты опустился до розыска парней в зелёных робах? Как же низко ты пал.

— Те дела поросли мхом десять лет назад, офицер, — Мерк остановился, чувствуя, как под плащом нарастает раздражение. — Каждый крутится как может. Кто-то ловит призраков, а кто-то протирает задницу в муниципальной охране, надеясь дожить до пенсии. Что, автограф нужен или штраф за превышение уровня задымления выпишете?

— Шутник, значит, — бородач прищурился, но колкость Кая явно задела его. — У нас тут развороченная лаборатория и куча вопросов. Что случилось?

Кай сплюнул вязкую слюну с привкусом гари. — Налёт. Одного видел точно — тот, кто почти превратил моё бедро

в шлак. Остальных не видел, дым был слишком плотным, но слышал троих, может, четверых. Громилы, базарили на «грете», упаковывали что-то в спешке.

— «Грета»? Налётчики? — бородач обменялся взглядами с коллегами. Те лишь молча пялились на дорогой плащ Кая. Типичные болванчики. — Похоже, вам всё-таки стоит проехать в участок, детектив.

Мерк понизил голос до вкрадчивого хрипа: — Плохая идея. Моё агентство работает по контракту «А-12». Прямая юрисдикция Объединения. Я здесь по официальному делу, и, если вы меня задержите без ордера от префекта сектора, завтра ваше руководство будет объяснять корпоративным юристам, почему сорвано следствие. Оно вам надо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.